

Анна Козырева

Анна Александровна Козырева – родилась в г. Краснокамске на Урале. Детство и юность прошли в г. Перми, где окончила Школу рабочей молодёжи. Образование: Литературный институт им. М. Горького и сценарный факультет ВГИК. Работала редактором, литературным консультантом, журналистом. Печаталась в журналах и коллективных сборниках. Автор нескольких книг. В 2020 году за книгу «Анна Кашинская – светильник веры и благочестия» (издательство «Символик») была отмечена «Золотым дипломом» на Литературном форуме Международного кинофестиваля «Золотой Витязь». Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ

Рассказ

Эту столь удивительную историю пришлось однажды услышать в поезде. История тогда не просто впечатлила своей невероятностью и неправдоподобием – буквально ошеломила, причём явно не одну меня.

Какое-то время она жила в цепкой памяти, однако незаметно забылась и, кажется, забылась напроочь.

И вдруг, спустя годы и годы, смутное воспоминание из минувшего прояснилось случайным сновидением, – и, восстановившись неожиданно из глубин памяти, ошеломило наново.

Я была ещё в том возрасте, когда будущее видится близким продолжением дня сегодняшнего, а мой нынешний возраст мог показаться разве что нереальным и никоим образом даже в отдалении лично не соотносимым.

Только-только днями раньше был выпускной вечер, вручение в торжественно-праздничной обстановке аттестата об окончании средней школы, – и вот оно первое самостоятельное путешествие в ожидаемое будущее, где, по наивным представлениям, только и могла проживаться настоящая жизнь.

Это сейчас детство и ранняя юность видятся самой лучшей, самой безмятежной и счастливой порой, а тогда...

... а тогда, сливаясь с механическим ритмом громяющего скорого поезда, столь же дробно и часто стучало девичье сердце, и слова, произносимые страстным шепотком:

– Перестук колёс, перезвон колёс,
а из сердца крик: не люблю!.. люблю... —

ощущаемо виделись единственно верными, отражающими внутреннее состояние стихийной поэтессы в тот миг. И самое смешное было в том, что те слова вовсе не адресовались конкретному лицу, чей бы образ маячил в покидаемом пространстве, ибо любовный опыт юницы оставался быть поверхностно-зыбким и книжно-романтичным.

(Не уверенная в точности воспроизведения прошлой череды событий автор решила далее обозначить героиню в третьем лице и тем позволить себе свободу художественного вымысла.)

В дороге впечатляло всё.

Возбуждённая от любопытства и обретения свободы наша путешественница к вечеру не знала, чем себя занять: то ли продолжать смотреть в окно, за которым мелькали поля-луга, полустанки, редко – незнакомые города, но чаще тянулись и тянулись стеной вдоль ж/д путей лесопосадки; то ли уткнуться в книжку, покоившуюся в раскрытом виде под боком; то ли в который раз сходить за чаем...

Спрыгнула вниз с верхней полки и – прямиком к титану с кипятком. Назад возвращалась, осторожно вышагивая с горячим чаем в тонком стакане в причудливом подстаканнике. Извлекла из торбочки заботливо собранную в дорогу мамой снедь и с ленцой, не испытывая даже лёгкого чувства голода, принялась за вечернюю трапезу.

Попутчиками её была молодая семья. Муж с изрядно потрёпанной книжкой затаился на верхней полке, неохотно отрываясь на редкие обращения жены, а та всецело была занята бойким малышом лет трёх-четырёх. Неугомонное дитя бегало по вагону – мамочка следом.

За перегородкой к вечеру стало более шумно, чем было до того. Проходя мимо, девушка заметила, что за столиком дружно сидело четверо мужчин.

«Дядьки», как определила она соседей, все были солидного возраста. Все одеты в спортивные штаны, белые майки и в кожаных шлёпках на ногах.

Непринуждённая ещё днём их беседа из тихой и размеренной вдруг вылилась в бурное и общее воспоминание о прошедшей более двадцати лет назад войне.

Будущая абитуриентка, не особо вникавшая в долетавшие до слуха слова, не проявила интереса и сейчас, когда снова улеглась на полке и уставилась в окно, где вечерняя гладь меняла очертания внешнего мира, – только, невольно уловив проникающую до сознания суть, вслушалась...

...вслушавшись же, поспешила перекинуть изголовье и сунулась любопытной головой за перегородку.

– А вот я расскажу историю, – мужчина, чей профиль с густой седой шевелюрой слабо отражался в посиневшем стекле, говорить начал осторожно. – Ясно: не поверите! Впрочем, верить в такое – трудно... Я, может, и сам бы не поверил... Но тут... тут я прямой участник... – Приумолк на миг, другой и, приглушив голос, продолжил более уверенно: – Почти десять лет назад я схоронил друга... Может быть, самого лучшего... самого преданного друга...

– Так надо помянуть! Срочно! – с готовностью отреагировал один из захмелевших компаньонов и поспешил потянуться рукой вниз, где на полу стояла недопитая бутылка водки.

Рассказчик резко и властно осадил его:

– Нет! Пить не будем! Не тот, мужики, это случай... Сейчас и сами поймёте... – Он машинально вытащил из заднего кармана штанов примятую пачку «Беломорканала». Вытянул папироску. Постучал полой гильзой о столешницу. Приплюснул кончик... и вернул папиросу в пачку. Пачку бросил на стол. – Это случилось летом сорок третьего. Я со своей группой возвращался из немецкого тыла. Вылазка была удачной: задание выполнили, в группе ни потерь, ни ранений... День клонился к закату, и мы надеялись, что ночью перейдём линию фронта. Оставалось всего-ничего. Двигались лесом. Вокруг спокойно. Только птицы всё как-то тревожно чвокали... – Покрутил папиросную пачку в руках. Вернул торопливо на прежнее место – в карман. Посмотрел на своё отражение в темнеющем окне. Продолжил:

– Внезапно рядом раздался взрыв... по звуку догадались: мина! Следом чудовищный звериный врезг вспорол лесную тишь... С осторожностью подошли к опасному месту – и такая, скажу я вам, открылась зловещая картина... Дымится земля... пни-выворотни чёрными головешками торчат, а меж них – растерзанная в клочья волчица, которая к тому ж погибла беременной... Казалось, что за годы войны столько видано-перевидано, что и поразить уже ничего не может... Ан нет! Увиденное удручало и так сковало нутро, что ни вздохнуть, ни выдохнуть... Мокрые трупки не родившихся волчат... отдельно оскалившаяся голова самой волчицы – а в стеклянных глазах её мутный осколок синего неба... Глянул на своих ребят: на растерянных лицах угрюмая оцепенелая маска... – задержал дыхание. – На самого волка наткнулись не сразу. С торчащим железным осколком в разорванной до кровавого месива ране на бедре тот лежал в стороне, в кустах, куда его отбросило взрывной волной. Сотрясаясь мучительно лохматым телом, зверь дышал тяжело... затравленно... и слабо-слабо хрипел... и от боли наголо стесал лапами траву: жизнь едва-едва теплилась в нём...

– Пристрелили? – вздрогнув нервным голосом, оборвал нить повествования один из товарищей.

– Не поднялась у меня рука... – тихо отозвался рассказчик. – Парнишка в группе был... его за малый рост шутя Карандахом кликали... сибиряк... если росточком и не удался, зато стрелок был редкий: по шороху в цель с лёту попадал... Он и шепчет: пристрелю, мол, чтоб не мучился... жалко... У меня и у самого сердце вспухло от жалости... пульсирует... бьётся в груди... Взор во взор столкнулся с волчарой: он боль в измученных глазах гасит, а взгляд всё равно грозный, беспощадный... И в них немой укор: «Ты кто есть, человек? Зверь – ты... а не я...» – и вроде как пытается угрожающе ворохнуть...

Аптечку я точно достал бессознательно. Поставил зверю болеутоляющий укол. С помощью ребят обработал рану... удалось вытянуть и осколок... Пока возились, Сашок, наш сапёр-минёр, ещё две мины обезвредил. Мины наши были... при отступлении, видимо, прикопали впопыхах...

Стало тихо... Казалось, что повествование закончилось, – и, выдохнув облегчённо, предложивший было «помянуть» сосед торопливо потянулся рукой под стол. Рассказчик категорично одёрнул его:

– Это ещё не всё! – И, обратившись непосредственно к нему, приказал: – Слушай дальше! – Однако продолжил рассказ, преодолев лишь затяжную паузу: – Сорок четвёртый год... Пруссия... Осень... Тот поход в тыл начался с неудачи. Радистка, когда преодолевали песчаный карьер, переломала ноги... Скатились по склону... прошли по низу... стали подниматься на другую сторону... Склон высокий, крутой и голый почти: зацепиться не за что... Девчушка наша еле-еле карабкается... кто-то из ребят рацию у неё перехватил, чтоб легче ей было... она уже до верха добралась... ей и руки протянули... а она возьми и сорвись... камушком рухнула вниз... обе ноженьки, как спички, в голени переломились... – вздохнул. – Она и кричать не кричит... терпит молодчинкой боль... стонет только... лицо побелело враз, осунулось. В глазах не то что страх и ужас – полная безнадёга... Мы и сделать ничего не можем... Уходить надо срочно... А её как с собой возьмёшь? – вновь глубокий вдох-выдох. – Укололи... кое-как перетянули туго ноги... что-то вроде укрытия устроили: мол, на обратном пути заберём... Не успели и десяти метров пройти – выстрел... Застрелилась наша девочка... совсем молоденькая была... красивая... Наскоро прикопали в песок... у самих и слёзы... и, стыдно сказать, облегчение...

Группа успела выполнить задание, но немцы сумели-таки выследить нас. Вначале вроде как удалось от погони оторваться, только не тут-то было: по-охотничьи, отсекая единственно верный путь, погнали нас в западню – к болоту. Затаиться, отсидеться не получалось: собачий лай слышен со всех сторон... Немцы неотступно шли по следу... шли не спеша и верно... И мы уже не спешили. В головах от бессонницы трескотня. Вдобавок и харч кончился. Мысли все ошупью, когда чётко понимаешь лишь одно, что гибель неотвратна и что лучше пусть будет глубь-трясина, но только не плен. Богу о том, думаю, только каждый и помолился...

...Увидел я его не сразу. В стороне тенью мелькнула собака и пропала. Ещё раз показалось... Тут мне мой сибирячок шепчет, что волк там, – и рукой тычет вперёд... Я так и сяк присматриваюсь: точно волк маячит, всем своим видом открыто на глаза лезет... как будто завлекает... Карандах втихомолку: мол, присмотрись командир... на бедро глянь... Я – в бинокль. Отчётливо вижу: на оголённом бедре зверя большой рубец от раны. Поверить трудно – а по сердцу полоснуло: он! Оробел даже, а сибирячок шепотком: точно тот волк, товарищ капитан... Мне и самому будто видится, что дальний взор зверя, обернувшегося к нам, настойчив и выразителен. Подпускает ближе и, как бы пролагая путь, манит за собой. Сделал я боязливо первый шаг... и так, не рассуждая, шагок за шагом... шагок за шагом... Успел лишь сибиряку негромко приказать: мол, веди ребят следом. Двигался почти наугад – понимал, что глупо, но шёл... Волк же продвинется чуть вперёд и остановится. Держится на расстоянии. Выжидает. Потом ступил прямо в болото – и я за ним врюхался туда же. Не отстаю... Трясь-трясина пугает, а иду. Прошли всего метров пять, и вдруг чувствую: становится дно под ногами твёрже и твёрже и воды уже только по колено. Сам ли умом дошёл, подсказал ли кто, только понимаю, что это тропа... невидимая тропа... Следом ребята осторожно идут. Карандах впереди. Идут молча. Шаг в шаг...

Длинный прогал провёл нас волк, причём видел его я один. Вывел в безопасное место. Я и опомниться не успел, как он провалился в лесные заглушины. Ушёл восвояси. В чапыжнике пропал. Следом в тех зарослях папоротника и мы спасительно укрылись, а там, где вслед нам шелестела куга-трава, скоро раздался собачий лай... надрывались псы... хрипели от злости... Под утро вышли к песчаному карьере, где наша девочка лежать осталась. Поклонились безымянной могилке и подались к своим. Выбрались благополучно. Про волка я промолчал. Никому ничего не сказал и мой сибирячок. Верный был парнишка... надёжный... Погиб в самом конце войны... Всё мечтал мне свою Сибирь показать... На охоту, мол, в тайгу свожу... Только вот какое конкретное место называл, – затуманилось в памяти...

Не скрывая лёгкого раздражения, нетерпеливый сотоварищ пробурчал, как итог:

– Ну и сказочку же ты нам тут выдал! Ничего подобного я никогда и слыхом не слыхал! Про собак знаю... Сам на фронте не раз видел... и танки взрывали... и раненых выносили... но тех обучали... Потом, собака – животинка при человеке всегда была и есть. А тут?! Извини, друг, не могу поверить! Невозможно! Давай-ка лучше твоего сибирячка помянем...

– Да не гони ты лошадей! – на этот раз недовольно одёрнул торопыгу молчавший до того сосед. – Успеешь ещё... добьём мы ту посудину... Не переживай!

– Вот ведь что интересно, – вновь начал негромко рассказчик. – Карандах попозже проговорился, что он того волка и прежде наблюдал... что мелькал тот порой поблизости... что несколько раз волчьи следы рядом обнаруживал... Предположил, что волк вроде как держал нас постоянно в поле своего внимания... – помолчал. – Может, и так... только не всегда ж мы лесом ходили...

– Выслеживал вас, что ль, всегда? – подал голос четвёртый собеседник.

– Выходит... Такая вот загадка жизни... – согласился фронтовик. Добавил: – И совершеннейшая правда, мужики...

– А я всё одно не верю! Сказки всё! – сомневающийся сосед агрессивного неприятия своего не скрывал.

Не менее категорично отреагировал на те слова и сам повествователь. Взлохматив рукой седую шевелюру и выдержав молчаливую паузу, он настойчиво сообщил:

– У той сказки, между прочим, и продолжение было...

Уплотнились сумерки: наплывающая синь-синева в густой колер заливала квадраты вагонных окон. В глухом затишьи замер, казалось, весь вагон, – и лишь стучали-перестукивали неутомимо колёса. Замерла и будущая абитуриентка. Она слушала рассказ фронтовика со странным ощущением некоторого недоумения, однако в правдивости истории сомнений у неё не возникало, да и не могло возникнуть, ибо с детства простодушно доверяла каждому слову, произнесённому взрослыми, как искренне верила и тому, что могла рассказать «из старой жизни» бабушка Настя.

Обычно та была немногословна. Всё больше молчала. Если же случалось вдруг появиться в доме кому-нибудь гостем, связанным родством родной деревни, вынужденно оставленной в далёкие тридцатые годы, то словно бурливый ключ-родник сплошь из воспоминаний вырывался на поверхность.

Наступал поздний вечер. Дружно укладывались спать после гостеприимного застолья. Затихало всё в полной тишине, но девочка догадывалась, что та тишина обманчива.

Так оно и было. Минуту-другую бабушка замирала на своём топчане. Привычно молитвенно пошептав себе под нос, она глубоко вздыхала и ненароком будто подавала голос: вроде, как только уточнить что, – и скоро длинной чередой потекут воспоминания.

Поначалу это будет про давно оставленную в прошлом жизнь, про близких, родных и чужих, про живых и ушедших в мир иной. И как-то само собой начнут выговариваться такие невероятности, от которых замирало в трепете детское сердечко, оттопыривались в напряжении ушки и всё теснее и теснее жалось дитё к материнскому боку.

И уж вовсе не задумывалось о том, что тут есть действительно быть, а что небыль.

– И долго ишшо старик по деревьям ходил... – отчётливо услышала девушка внезапно бабушкин голос.

– Да, сказывали, отыскал он их... – пробился до слуха и чужой.

– Отыскать-то отыскал, да не всех сразу... – снова слышит родную бабу Настю, заново будто напомнившую внучке давнюю историю о том, как колдун по злобе обратил в волков целую свадьбу... – Перву-то старик невестку свою нашёл... Она у их уже на сносях была, кады свадьбу играли... Ей срок родить приспел – она в стожку-то и затаилась, бедная. Там-то он её и отыскал... Люди знающие подсказали... Успел... дитё-то она уже в человечьем обличье рожала... Позже слухом прошло, что и остальных удалось ему отыскать... А вот про жениха... евойного сына, так ничего и не было слышно... То ли отыскал, то ли нет... Да и уехали мы... – девушка ясно-ясно учуяла глубокий-глубокий вздох. – И ты, Катерин, не слыхала?

– Откель?! Это ж кады и было? Я ишшо вовсе девчонкой была, кады про того старика сказывали...

– Да нет! Верно: нашёл! Не мог же он свово сына запросто так бросить...

И как же было тому не поверить, если всё рассказывается родной бабушкой?

И верила.

И устойчиво жили бабушкины «старины» в глубокой памяти, как часть ее детского мира...

Вот и сейчас вероятная студентка московского вуза ничего из истории фронтовика сомнению не подвергла...

Меж тем рассказчик вновь овладел притихшей аудиторией. Речь его была чёткой и плавной:

– Демобилизовался я в начале пятидесятых. Куда ехать – не знаю. Был я из детдомовских. Перед войной успел закончить педтехникум, а вот жениться не получилось... Был у меня в группе парнишка с Брянщины. Погиб как раз, когда мы те земли освобождали. Умирая, он мне целое письмо нашептал, чтобы я его жене пересказал... Мол, она тут совсем рядом... Место назвал... я с картой сверил – точно рядом... Всё надеялся, что сумею в ту деревню выбраться... не сложилось... Данное обещание я помнил – и всё нашёптанное слово в слово хранил в памяти... и все его награды, какие приберёт, при мне были... Вот и решил я тогда, что пришло время обещанное выполнять. Нашёл деревню. Поинтересовался, где такая-то живёт. Отправляют на кордон: мол, там живёт... Ну, думаю, за лесника, поди, старого замуж вышла! И такая вдруг досада на неё... обида даже за погибшего парнишку по сердцу шибанула...

– А чё и обижаться? После войны никто особо не выбирал: лишь бы было с кем для жизни сойтись... – кто-то попытался оправдать молодую вдову.

– Так-то оно так, – согласился рассказчик, – и я это понимал, а вот всё равно резануло по сердцу... Добрался до лесного кордона. Там лесником точно старик, а при нём – дочь его. Отдал я им Толины награды... ещё какая-то мелочёвка сохранилась... Галина ушла быстро... Слышу: плачет в голос... навзрыд... с причитаниями... Как вернулась, стала всё расспрашивать о муже... подробно... уточнять в деталях... И видно было из тех расспросов, что продолжает любить его... А я последних слов его ей передать не могу... Все слова помню, а язык не поворачивается... Влюбился я с ходу... День живу... другой... Чувствую: загостился, а у самого сил подняться и уйти нет... Не выдержал – говорю старику: «Отдай за меня дочь!» Он только хмыкнул: «Это ей решать... Ты ж не первый... всем отказала...»

– Ну и как? Неужели не уговорил? – с робким сожалением в голосе полюбопытствовали одновременно двое из соседей.

– Уговорил... – встряхнув седой шевелюрой, улыбнулся рассказчик. – Определился в деревенскую школу учителем, а через год у нас мальчонка родился. Мы его, само собой, Анатолием назвали.

– Не пойму – это, чё, и есть продолжение сказки? – язвительно поинтересовался нетерпеливый слушатель.

– Вот тут-то как раз продолжение и было. Потерпи малёк: смочим скоро горло, – успокоил его товарищ. – Летом корову с телёнком на выгоне держали... в лесу, на поляне... Жена на дневную дойку засобиралась, а тесть её предупреждает, чтоб повнимательней была: мол, волчьи следы намедни видел. «Только откуда? – удивляется. – Давно о них ничего не слышали...» – «Капканы, – говорит, – ставить буду». Ушла Галина. Следом и я было собрался – глядь: она назад бежит. Бледная вся... сынишку к груди прижимает: тот за мамкой увязался. Голос дрожит: волк там лежит... прямо на поляне... недалеко от коровы... Тесть ружьё в руки – и бегом, а у меня, не знаю почему, заговорившее сердце вдруг ёкнуло... Я – следом... На поляне корова с телёнком спокойно пасётся... подойник в траве валяется... и никакого волка... Присел на пенёк. Тесть тот вокруг поляны рысаком пробежал... запыхался ажно... «По следам, – тесть вернулся, – явно матёрый волчара был...» Сам же удивляется, что тот телёнок не тронул. И снова про капканы поминает: завтра, мол, спозаранку расставлю. Погнал корову с телёнком домой. На меня оглянулся: чё, мол, сидишь? Я ему: докурю – приду...

Недолго я в одиночестве на пне сидел. Волк вышел осторожно из кустов с противоположной стороны и, как надломился ровно, упал на землю... Я его сразу узнал, хотя тот уже стар был... Изношенное тело зверя всё было в седине, как пеплом обсыпано... Смотрит на меня – я на него. Молчу... папироску одну за другой только из пачки вытягиваю... Наконец он поднялся и медленно... очень медленно пошёл ко мне... Напряглось всё во мне... а он подходит и, знаете, как пёс домашний, ткнулся мне в колени... и замер... как окаменел... Я рукой по его пегой голове глажу... рука дрожит, а у самого из глаз слёзы... И у него, чувствую, ноздри задрожали... Поднял голову вверх. Смотрит прямо мне в лицо, а взгляд затуманенных глаз длинный, осмысленный... Лизнул одну мою руку... потом другую... язык шершавый и сухой-сухой...

– Отблагодарить, верно, приходил, – осторожно высказал общую догадку кто-то.

– Тут и не знаешь, кто кого благодарить должен, – тихо отозвался рассказчик. – Тесть видел, как волк, пошатываясь крупным телом, не спеша преодолел поляну и ушёл в лес. Мне ещё, когда провожал его взглядом, подумалось с грустью: умрёт скоро... а он перед тем, как окончательно исчезнуть с глаз, оглянулся. Вскинул голову вверх и коротко так, ровно выдохнув, рыкнул... Тесть подошёл.

Спрашивает: «Кто это был?» – «Волк, – отвечаю. – Самый натуральный волк...» Рассказал я ему всё как есть... Удивился, конечно. Да и как тут не удивиться? – приумолк. Понизив голос, продолжил тихо: – Дня через два он обнаружил его в километрах пяти от кордона... мёртвый тот был... Схоронили мы его... – Снова притих на время и, глубоко-глубоко вздохнув, подытожил: – Такая вот, мужики, история... Хотите верьте – хотите нет...

– Слушай: я что-то не понял, как же он тебя через столько лет нашёл? – высказал общее изумление один из слушателей.

– То и для меня загадкой было... загадкой и осталось...

За окнами поезда, неутомимо громыхающего по стальным рельсам, подступая, тмилась вовсю и тмилась ночь.

В темноте на бегущем вслед небе проступали яркие звёзды, подгоняемые рогатым вожаком – выглядывавшим из-под ветхого облачного полога месяца.

Поезд мчался в черноту. Плотно окутала тьма и полусонный вагон. Жёлтым тусклым зрачком мигал под потолком плоский плафончик, слабо освещая узкое пространство.

Затаённо лежала на своей полке девушка, не допуская и мимоходом каких-либо подозрений в правдивости услышанной истории.

– Серёжа!.. – внезапно пробилось до её слуха – то женщина с нижней полки просительно звала мужа. – Серёжа!..

– Ну? – не сразу откликнувшись, тот свесил голову вниз.

– Ты как думаешь: всё это самый настоящий вымысел, да? – торопливо прошептала ему жена.

– Не знаю... – неуверенно выдавил мужчина в ответ. – Какое-то странное ощущение: поверить – трудно, а не поверить – не получается... Спи!.. – снисходительно бросил он и поспешил отвернуться к стенке.

– Серёжа! – спустя минуту-другую женщина вновь позвала. Муж на робкий зов не отозвался. Подождав терпеливо, она тихо поднялась и в который раз за вечер бережно подоткнула лёгкое одеяльце под сынишку, вольно раскинувшегося на соседней полке. Вернулась на место – и сокрушённо выдохнула: – Но ведь такое и помыслить невозможно... Нельзя и вообразить...

Никто на её слова не откликнулся. Женщина успокоилась, и спустя время раздалось мерное сонное посапывание – а вот девушке нашей совсем-совсем не спалось.

Всё более и более углубляясь в себя, она пыталась не столько критически постигнуть смысл невероятной истории, сколько, пробиваясь сквозь дебри возбуждённого воображения, ощутительно повторить чужой рассказ наново самой себе. Ей ничего не стоило перенестись мыслью в мир иной, где воедино переплеталось услышанное и измышленное воображением.

Увиделся и лес, причём близкий тому, который был с детства хожен-перехожен вдоль и поперёк.

И если сначала в воображении точно воплотилась картинкой Гарюшка – возвышенное место в родном лесу, плотно заросшее ельником, то через миг-другой калейдоскопом замелькало совершенно иное: взбугренная жиловатыми корнями поляна с развороченной пластами землёй... толстый слой рыжей скользкой хвои на потерянной тропе, спускавшейся в тёмный распадок... тяжёлым вдавишем на буром войлоке мха увиделся и раненый зверь с рыжими подпалинами на животе... зверь, схожий обличьем с большой собакой, с трудом преодолевая тяжесть частых судорог, беспомощно карябал когтями землю...

Память, путаясь, выстраивала всё новые и новые калейдоскопические видения, всколыхнувшие девичью душу: дышать становилось трудно, и подпирали к горлу безотчётные слёзы...

Девушка невольно зашевелилась, поудобнее устраиваясь на жёстком тюфяке, однако облегчения не наступало – и тогда она отважилась посмотреть в окно: там окончательно пропал в темноте мир...

Снова увидела лес. Лес давил вокруг синим мраком. В небе сквозь тяжёлый лиственный свод были видны тучи в цвет безнадёги. Вевящий сыростью вечерний воздух, чем ближе и ближе к болоту, уплотнялся летучей гнусью: сквозь гнетущий писк комарья ясно пробивалось влажное хлюпье... хлюпье... Болото, в которое ступили идущие друг за другом люди, пузырилось и хлюпало, а в гибельном мареве, зависшем в плотном воздухе, зыбкой тенью впереди маячил зверь...

Она не заметила, как уснула. И последнее, что успело захватить сознание перед волной наплывающих быстротекущих снов, было то, как, преодолевая тяжёлую медлительность, пересекал широкое пространство зверь... старый седой волк...